

Александра Медведкина

**МАРСИАНЕ
НА ЛЕНИНСКОМ
ПРОСПЕКТЕ**

рассказы

Александра Медведкина Марсиане на Ленинском проспекте. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42006692

ISBN 9785449648440

Аннотация

Книга рассказов петербургской писательницы Александры Медведкиной погрузит вас в пасмурный, наивный и трогательный мир воспоминаний и снов. Герои Медведкиной живут рядом с нами, иногда мы соприкасаемся с ними краем ладони, берясь за ручку тележки в гипермаркете, иногда они придерживают для нас хлопающую дверь на входе в метро. Уделите им немного внимания, и, быть может, они расскажут вам – о вас. Ведь все мы – родом из снов и из детства.

Содержание

Четкая девчонка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Марсиане на Ленинском проспекте Рассказы

Александра Медведкина

© Александра Медведкина, 2019

ISBN 978-5-4496-4844-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Четкая девчонка

(рассказ)

Вот смотрю я на нее, и думаю: красивая она все-таки у нас. Нашей матери сорок пять или сорок шесть лет. Я точно не помню.

Вот она готовит нам с сестрой поесть, ходит по кухне туда и сюда, рассказывает что-то про работу. Я то и дело переставляю ноги, убирая их с дороги нашей Ма, чтобы она о них не споткнулась – кухня-то у нас не то чтобы большая.

Ленка сидит по другую сторону стола, читает. Сидит, положив ногу на ногу, и тапочек у нее только на кончиках пальцев держится. Сестра меня на два года младше, ей шестнадцать.

Тянусь через стол, и она вскидывает на меня глаза. Очень настороженно ко мне в последнее время относится. Приподнимаю пальцем обложку книги, чтобы было видно название.

– Опять, – говорю, – про фашистов читаем?

– Я контрольную пишу. – Сестра краснеет, убирает книгу подальше от моей руки.

– Да? Я почему-то подумал – читаешь. А ты, оказывается, контрольную пишешь.

Лена злобно сопит – наверное, не знает, что сказать.

– Я для контрольной читаю!

– О, а на ту толстенную фигию ты шестьсот рублей тоже для контрольной выкинула? – Я имею в виду огромный том о военных наградах Третьего Рейха.

– Это не фигия!

– Фашистка.

– Дурак.

– Шестьсот рублей? – Мама поворачивается к нам.

Кивком показывает Лене, что той надо пересесть, иначе Ма не доберется до холодильника. – Кто это тут шестьсот рублей потратил?

Вот так у нас всегда. Мама реагирует на нас только тогда, когда мы упоминаем в разговоре деньги.

Ленка смотрит на меня – ждет, зараза, что я что-нибудь скажу, как-нибудь ее отмажу.

– Ленка у меня деньги украла, Ма. Ты бы с ней поговорила, что ли. Я просто как бы уже ей объяснял, что...

Сестра вскакивает со стула. Глаза у нее блестят, щеки красные. – Скотина! Мам, ты же знаешь... Снова ко мне поворачивается. – Ты идиот, Кирилл! – Хлопает книжку на холодильник так, что с него валятся ручки и блокноты. Падают в щель между холодильником и стеной. Сестра перешагивает через мои ноги и идет в свою комнату.

Я закуриваю. Руки у меня почему-то дрожат. Мама тоже как-то напряглась.

– Ма? Ты чего?

– Ничего.

Выпускаю дым.

Мать отходит от холодильника, кладет на стол, что у плиты, пакет с зеленой фасолью.

– Мам?

Она разрезает пакет, высыпает мерзлые стручки на сковородку, и они начинают шкворчать.

– Я сколько раз говорила, чтобы ты на балконе курил? – Ма на меня больше не смотрит. Приподнимает очки, вытирает потекшую тушь. – Сейчас бабушка с тетей Катей придут.

Я встаю, обнимаю ее со спины. – Мам, ну прости.

Она просто стоит, позволяя себя обнимать. Потом: – Прости.

Я отпускаю. Она разбивает в сковородку яйца, размешивает.

– А чего ты не сказала, что бабушка придет?

– Я говорила.

Вот ведь, а. Наверное, я как-то это упустил между ее рассказами о работе. Она у нас на двух работах работает.

– Ну извини, а? Ну дурак я, ну? И чего, не любить меня теперь из-за этого?

– Кирилл, я устала.

Она накрывает сковороду крышкой и начинает мыть посуду.

Все. Вот после этого можно уже что хочешь делать – Ма разговаривать больше не будет. Можно разворачиваться

и уходить.

Но тут она меня удивляет: – Ты в военкомате сегодня был? – Спрашивает.

– Мать! – Я тушу окурок.

Она садится за стол и разворачивает кроссворд. – Можешь идти.

Военкомат, военкомат. Слышать уже не могу. Да не был я сегодня ни в каком военкомате, и она это отлично знает. Нет ведь, спросить же надо, чтобы меня совесть заела. Да нет у меня совести вообще. Достало все – не пересказать.

Она вписывает слова в квадратики. Я разворачиваюсь и выхожу.

Ленка плачет у себя, кажется. Вроде я ничего обидного ей не сказал, не знаю. Иду в зал, сажусь на диван, включаю телевизор. Смотрю новости, а потом приходит мама и начинает накрывать на стол.

– Помочь?

Она не отвечает, и мне приходится идти на кухню, но оказывается, что готов пока только салат, и она его уже отнесла. И вилки она уже тоже разложила, я тебя позову, Кирилл, когда надо будет. Чувствую себя полным идиотом.

Иду на балкон. У нас двухкомнатная квартира, и отдельная комната – Ленкина. Я съехал в зал, когда ей исполнилось восемь, и она начала водить домой подружек. Мама приходила с работы, ей надо было отдохнуть, особенно если она еще и шла тем же вечером в смену, так что девчонкам до-

сталась отдельная комната. Там они смотрели свои сериалы и Барби эти всякие приносили. Я был тихим, в «нинтендо» играл в наушниках, маме не мешал, так что все складывалось удачно. На Ленкиных подруг мне фиолетово. Пусть водит, мне все равно. Единственное, что до сих пор напрягает – тебе некуда уйти. Мне то есть. Некуда уйти, когда тебе хочется побыть одному или что-то такое.

На балконе холодно, и горло уже болит от того, что я постоянно курю.

Я слышу, что кто-то идет, и мне хочется что-нибудь разбить от злости. Господи, да оставите вы меня в покое или нет?

– Кирюш?

Опаньки. Сестра наша младшая заявила. Ну, хоть не мама. Когда я на балконе курю, и заходит Ма (она меня постоянно по поводу курения пилит), у меня такое чувство возникает, как будто она на меня пялится голого в ванной. Совершенно негде тут спрятаться.

– Можно мне сигарету? – Спрашивает Лена. Глаза у нее заплаканные, пальцы дрожат, когда она волосы поправляет.

– Я что, доктор, что ли? Откуда я знаю, можно тебе сигарету или нет?

Она закусывает губу. Еще одно слово, и она снова расплачется. Наверное.

– Кирилл...

– Вот на тумбочке лежат. – Киваю на лежащую на самом

виду пачку.

Ленка прекрасно понимает, что мама меня во все щели отыщет, если узнает, что я даю сигареты сестре. Понимает, зараза, но когда бы это она о других думала. Да никогда она не думает о других. Вся, наверное, в меня пошла.

Лена закуривает, кладет пачку на подоконник и садится на тумбочку. Сидит.

Потом смотрит на меня. Куда-то на мою шею, а не в глаза. Говорит: – Прости меня, пожалуйста.

– Ты на курсы записываться пойдешь?

О, вот теперь она мне прямо в глаза смотрит. Разозлить Ленку – как два пальца.

– А ты когда в военкомат поедешь?!

– Не твое дело.

– Мама на нас пашет.

– Правда? Да не может быть!

– Ты все равно нифига не учишься.

– Лен? Ты сюда покурить пришла? Вот и кури. Хватит до меня докапываться.

Она встает, подходит и обнимает меня. – Я съезжу. Прямо в понедельник. Хорошо?

Ей и правда придется это сделать. Оплатить курсы еще куда ни шло, но поступать сестренке придется на бюджетный. Мама все равно не потянет платить за обучение. Ленка в курсе, но – мы похожи. Знаем, но ничего не делаем. Глупо это все, но принять какое-то решение для нас с Ленкой –

смерти подобно. Так и будем тянуть до последнего.

– Ты меня простил? – Спрашивает Лена мне в ухо.

– Да, – говорю. – Отойди уже. Инцест – штука серьезная, ты не доросла еще.

– Фу! – Она отходит, потом говорит. По привычке. – Дуррак.

– Фашистка.

Ма накрывает на стол – без нас. Лена подрывается в последний момент, но к этому времени Ма уже все сделала сама, и на лице у нее выражение безразлично-смирненное. А эти ее морщины и морщинки – как будто все наши с Ленкой проступки. Наверное, она давно перестала на нас надеяться. Я работаю, но для этого приходится иногда прогуливать институт. И, наверное, меня скоро выгонят. И сначала меня выгонят с учебы...

Часов в шесть приходят не только обещанные бабушка и тетя Катя, а почти весь клан Хмелевских. Обалдеть можно. Ленка держится подальше от старших братьев (двоюродных) и их жен – ждет, пока пить начнем. Тогда ее отпустит, и она сможет со всеми нормально общаться. Некоторые думают, что у меня странная сестра, но я-то ее знаю. Она не сразу вливается в компанию, это да. Нет у нее этого. Но в принципе она нормальная, и я знаю, что Ленке не обязательно пить, чтобы веселиться. Но это с теми, с кем она постоянно общается. А братьев наших мы не то чтобы часто видим, к то-

му же, им обоим уже по тридцатнику. Так что я понимаю, что маленькой сопле с ними легче, когда она выпьет.

Все рассаживаются, мама с бабушкой еще делают что-то на кухне, тетя Катя рассказывает Ленке про то, как она съездила в Сергиев Посад, а мы с братьями идем на балкон покурить. Это те люди, которые никогда не спросят меня про военкомат, за что большое им спасибо. Когда мы возвращаемся, Лена и тетя уже говорят на повышенных тонах – они всегда по поводу религии спорят. Тетя говорит, что Лена сама со временем ко всему придет, к Богу, то есть, а Лена (господи, ну зачем она спорит?) с пеной у рта доказывает, что вера и религия – разные вещи.

И та и другая от кого-то явно наслушались, но если Ленку еще можно в какую-нибудь секцию восточных единоборств записать, чтобы у нее мозги проветрились, то тетю – уже поздно.

Серьезно, я думаю, что восточные единоборства – это для духовного роста очень полезно. Как ты можешь о чем-то судить, когда ты – барахло, и даже толком не знаешь, на что способно твое тело. Кто-то, может, Сиддхартха, сказал, что ты – это то, о чем ты думаешь. А мы всякий мусор по телеку обычно смотрим, думаем как калеки, эмоциональные и интеллектуальные инвалиды. А единоборства – там же все очень тесно с духовными исканиями связано. Я бы и сам записался, если бы у меня было больше времени. И денег.

Да, ладно, это все глупости. Я имею в виду: я такой же, как

Ленка. И как моя тетя. Только и могу, что языком молоть, чужие мысли повторять. Как же все это надоело. Наша мама, наверное, самая решительная из всей семьи. Мы с сестрой бесполезные. Остальные – ну, у каждого свое, у каждого какой-то непорядок в голове.

– Кирюх, чего сидишь? Наливай.

Старший из братьев (ему тридцать четыре) уже открыл бутылку. Я разливаю.

Тетя говорит тост.

– Ну, давайте. Пусть у нас все хорошо будет.

Сегодня нет никакого праздника. Просто иногда мы вот так собираемся вместе.

Я однажды прочел в тетради Ленки (зашел за диском в ее комнату, и тетрадка, может, дневник, лежала раскрытой прямо на столе): «Я теперь по-другому думаю о нашей семье, не так, как в детстве. В детстве я думала, что тетя и дядя – счастливая пара, и я не знала, что дедушка изменял бабушке. А теперь я про все это знаю, и много чего еще. Иногда я их всех ненавижу. Я ненавижу Кирилла. Мы все друг другу вред. Кирилл – сволочь, а мама его любит больше, я знаю. Но я его не поэтому ненавижу... я не знаю, – почему. Может, потому, что он лучше меня. Тетя делает вид, что она вся такая хорошая, а на самом деле, она тоже думает: „а что скажут люди?“ На самом деле – ей хочется все бросить. Чтобы ее оставили в покое. Я бы ее поняла. Но она в самых важных ситуациях думает не о том, как было бы верно поступить,

а что люди скажут. Я ужасные вещи говорю, да? Но все равно – лучше хотя бы здесь сказать, чем держать в себе. И все-таки – иногда мы просто так, без повода, собираемся вместе. Хотя между нами столько всего странного, и не всегда хорошего. Как мокрые звери из мультика, которые прячутся под шляпкой мухомора от ливня, мы жмемся друг к другу, чтобы было теплее. Мы все чего-то ужасно боимся как будто, боимся мира, страданий и смерти. И ищем друг у друга утешения».

Как-то так она написала, я уже точно не помню, хотя тогда прочитал сестрину писанину не один раз. Это оттуда я узнал, что Ленка, оказывается, меня ненавидит.

Пьем. Младший брат (тридцать два года) рассказывает анекдоты про Путина. Мы смотрим телек и разговариваем, мама тоже немного расслабляется. Сегодня она не работает ночью, поэтому пьет вместе с остальными.

Я снова ухожу на балкон, а там за окном, оказывается, идет снег. На улице уже совсем темно.

В зале звуки телевизора сменяются на что-то ритмичное – наверное, предки принесли с кухни магнитофон. Меня охватывает такое чувство, как будто меня заперли в клетке со львами. Наверное, не стоило отдавать Ленке отдельную комнату без боя. Просто: не стоило отдавать ей мою комнату. И она после этого говорит, что ненавидит меня, маленькая дрянь.

Господи, как же тут тесно!

«Не могли бы вы все исчезнуть?» – Думаю я, а тут снова врывается сестра, выдыхает:

– Кирилл! Мама!

– Что?

Что-то с мамой? Отталкиваю Ленку (Господи, да за что же мне все это?!), два шага – в зал, и я так и останавливаюсь.

Мама танцует под медленную восточную мелодию.

Ее глаза закрыты, а губы, наоборот, приоткрыты. Руки нашей Ма – как два полураскрывшихся тюльпана – одна тянется вверх, другая едва касается бедер. Она двигается, как юная девчонка, новый цветок в гареме какого-нибудь шейха – босиком на бордюре бассейна под звон монет на прозрачных юбках и птичье пение. Мама откидывает назад тяжелые каштановые волосы, и они кольцами ложатся на плечи, спадают на спину.

Все стоят и смотрят. Братья начинают хлопать под барабанный ритм, и Ма открывает глаза, подмигивает им. Ох, у нее сейчас такие глаза... она почти касается подбородком сложенных лодочкой ладоней, продолжает танцевать, едва заметно улыбаясь. А потом ее руки скользят вдоль тела, и я впервые вижу вот так близко то, что называют танцем живота. Мама встряхивает волосами и двигается под ускорившийся ритм. Братья всё хлопают в ладоши, и я замечаю, что я – тоже ей хлопаю.

Из динамиков магнитофона слышны подстегивающие маму мужские голоса, и она прогибается в спине, я вижу, как

под одеждой двигаются мышцы. Ее ресницы дрожат, она облизывает губы, тяжело дышит. Господи, да ей лет двадцать...

Я хватаюсь рукой за косяк.

Мелодия достигает апогея и обрывается, рассыпавшись золотом старых золотых монет древней Согдианы, Сиракуз и пылью оседает на пути караванов, прошедших по барханам тысячи лет тому назад.

– Ма... – шепчет за моей спиной Ленка. Братья, их жены, – да все мы – хлопаем, пока у нас не начинают болеть ладони.

– Наташ, жалко, блин, что ты моя тетя! – Говорит старший брат, поддерживая маму за руку. Сестра растеряна, она не знает, что сказать. Она все смотрит на нашу Ма, а та все не теряет своего волшебства, она все еще – молодая девочка из гарема, и мы с Ленкой не знаем, как на это реагировать.

Братья и остальные родственники очень умело хранят эту ее магию весь вечер. Сейчас было бы к лучшему все прервать, и пусть бы сразу наступил следующий день – что бы мы словом или поступком ничего не испортили.

В итоге мы напиваемся так, что назавтра помним все только фрагментами. Общее воспоминание – только одно – танцующая под барабаны девушка.

Это первое, о чем я думаю, когда просыпаюсь – часов эдак в одиннадцать утра. Горло перехватывает от кашля, во рту – как будто стадо верблюдов расположилось, а около кровати кто-то заботливо стакан воды поставил. Мама, наверное.

Я обязательно пойду в армию, и, когда вернусь, найду себе такую же чёткую девчонку, как наша Ма.

– Ты чего так сидишь? Плохо спала, что ли?

Девушка подняла голову, медленно обернулась и посмотрела на мать. Та поставила перед ней сковородку с яичницей, ловко подсунула под горячее дно разделочную доску.

– Осторожнее. – Положила перед дочерью вилку и нож, поправила полотенце, сползающее с плеча. – Да вроде. – Ответила девушка. Она взяла в руки вилку, подержала, снова опустила на клеенку. – А Кирилл не встает еще?

– Нет пока. Он опять переводит будильник. – Мать отвернулась к раковине, включила воду. Горячая струя с силой ударила в грудь тарелок, оставшихся со вчерашнего

ужина. Женщина оглянулась через плечо. – Ну что? Что ты... невеселая такая? Хочешь, к тете Кате сходим?

Дочь хмыкнула. Вот уж чего ей точно не хотелось, так это тратить субботний день на поход к тете, где наверняка соберутся старшие, и ей совершенно нечем будет себя занять. – Кирилл поедет ко второй паре. А ты, давай, лучше без меня сходи. Девушку звали Лена, было ей девятнадцать лет, и единственным, чего ей хотелось этим утром, было поговорить с братом. Кажется, не слишком возмутительное желание; исполнить его, тем не менее, оказывалось не так-то просто. Брат снова перевел будильник, а значит, пропускал общий завтрак. То есть – Ленин завтрак. Их мать успела перекусить часов этак в девять утра, вернувшись с ночной сме-

ны; успела она и пожарить яичницу-глазунью, которую так любила дочурка. Кирилл собирался ехать в институт ко второй паре, и то, что будильник он перевел, чтобы подольше поспать, значило: он не успеет ни позавтракать, ни поговорить с сестрой.

– Одна дома будешь? – Мать мыла посуду, постукивали друг о друга тарелки и попискивала губка о стекло. – ...опять ночью ел. Потом жаловаться будет, что у него живот растет! Лена улыбнулась. Улыбалась несколько секунд, потом правый уголок рта пополз вниз.

– Что на дурака внимание обращать. Он все равно как скелет, растет у него там что, или не растет... другое дело, что в тот еще раз он съел мои йогурты, оба.

Мать засмеялась. – Да не жалко, просто нехорошо на ночь глядя есть. – Она помолчала, шурша проволочной теркой. – Вы оба, когда на ночь едите, потом себя плохо чувствуете.

Лена поморщилась. Ей не нравилось, когда мать говорила таким неуверенным, но в то же время поучительным тоном. — Я на ночь не ем. – Сказала девушка, снова поднимая вилку и прицеливаясь к яичнице. – Не надо говорить, что я ем на ночь, когда я не ем. – Она разделила яичницу на четыре части, две с «глазами» и две – без. Поддев вилкой один из кусочков, она быстро наклонилась и проворно всосала бледно-желтый «глаз». – Да ладно, ладно. – Мать закончила мыть посуду, и, проведя по лбу тыльной стороной предплечья, стала вытирать тарелки, вилки, ложки; сковоро-

ду она прислонила к подставке для ножей, чтобы стекла вода. – У Кирилла сегодня нет первой пары? Лена облизнулась и с интересом посмотрела на мать. – Ты меня удивляешь, женщина. – Она повернулась вполоборота, чтобы видеть материно лицо. – Я же тебе только что, вот минуту назад, сказала, что он едет ко второй. Логично предположить, что у него нет первой пары, раз он едет ко второй, а? – С вами ничего не логично, – сказала мать, и, перестав вытирать тарелки, поставила их, как были, одну за другой в шкаф для посуды. – И не умничай, пожалуйста. Лена пожала плечами. – А ты поспала бы лучше.

Ей уже не хотелось яичницы, но, чтобы не обижать мать, она решила доесть всю. Подтянула поближе следующий кусок с «глазом». – Со смены, устала, но нет! – вместо того, чтобы поспать, она решила потащиться к тете Кате... как будто тетя Катя без тебя и дня не проживет. А потом будешь говорить, что у тебя голова кружится, и вообще... ну, я не права? – Она быстро проглотила кусок, глотнула кофе. До чего уж она любила яичницу, и как тяжело та давалась ей сегодня. Чуть ли не до тошноты.

Лена сделала еще глоток кофе и поняла, что ей очень, очень хочется покурить. Она посмотрела на мать. Пока та не уйдет к тете Кате, покурить никак не получится. Если эта женщина поймает дочь с сигаретой, крику будет... еще никак не получится покурить, пока не проснется брат, потому как если Лена стянет у него сигарету без спроса, он,

хоть и не станет кричать, но будет нечеловечески неприятен. Нечеловечески.

Чувствуя себя той еще свининой, Лена отложила вилку, и, встав из-за стола, подошла к подоконнику. Оперлась о него и стала смотреть, как мать мажет руки кремом. Красные, мягкие от горячей воды руки. – Или там у нее случилось что-то? – Вежливо спросила девушка. – Если да, то, наверное, сходи... – Да нет, – мать вроде бы не сердилась на утренние грубости, – просто на кладбище сходить хотим. К бабе и деду. Лучше бы она сказала «к бабушке с дедушкой», тогда Лена могла бы не обращать особенного внимания. Сделать небольшое усилие и пропустить мимо ушей. Но «бабе и деду» звучало слишком лично, конкретно.

Девушка потрогала морщинку между бровей. Облизала губы. – Можно я не пойду? Мать пожала плечами. – Конечно. Я тебя и не зову. Сами ходим. – Я просто... мне надо еще реферат для училища писать. Я так и не написала пока. – Какой реферат?

– По инфекциям. – Лена посмотрела на остывающую яичницу. – Можно я не буду доедать?

Мать ушла примерно через полчаса. Лена все еще сидела на кухне и читала, когда вошел брат. Она не слышала, чтобы он заглядывал в ванную. Темные, отросшие за год волосы странновато топорщились влево – «крайне влево», подумала Лена. Брат щурился на солнечный свет, заливавший малень-

кую кухню, вытаскивал зубами сигарету из пачки.

– Мне тоже! – Лена вспорхнула со стула. Брат молча отдал ей пачку и прошел на балкон. – Ты не опоздаешь в институт?

– Сделай мне кофе, – утренне прохрипел он. Покашлял, закурил. – Черт... голова болит.

– Ну... спать меньше надо! – Она сунула сигарету за ухо и, быстро заварив кофе, двинулась обратно на балкон. Год назад Кирилл вернулся из армии и поступил в институт. До армии он учился на менеджменте, и успел быть из ВУЗа исключенным; по возвращении поступил на философский. В армии Кириллу понравилось, что утвердило Лену во мнении, что брат – человек исключительный во всех отношениях и очень странный.

– Мама к тете Кате пошла. Они собираются на кладбище. – Не думаю, – сказал Кирилл. Он постучал по подоконнику прозрачной зажигалкой. – Там, поди, заросло все. Лена покачала головой. Закурила и высунулась в окошко. – Наверное, потому и идут.

Брат промолчал. Лена закрыла глаза, и, зажав сигарету в зубах, позволяла майскому солнышку согреть ее лицо. Под сомкнутыми веками плавали теплые ослепительно-красные пятна. Так они стояли какое-то время, потом девушка высунулась в окно по пояс и с силой выплюнула сигарету. Облачко дыма у ее губ еще не растаяло, а окурок уже исчез где-то в гуще ярко-зеленой травы.

– Фу. – Сказал Кирилл. Запустил пальцы в волосы и с на-

слаждением

почесал затылок. – Наверное, люди ходят на кладбище не только для того, чтобы

прибраться. – Он посмотрел на сестру, чуть наклонив голову и приподняв

брови. – Сечешь?

Она не ответила. Помолчали еще. Потом Кирилл вздохнул. – Не поеду в инст. Маме только не говори.

Лена открыла глаза и втянулась обратно. – Почему это? Не едешь, то есть, почему? – Не чувствую внутренней необходимости. – Ишь! А что... насчет чего внутренняя необходимость имеется?

– С Женькой встречусь. Она болеет, съезжу к ней. Женя – это была его девушка. Лена раза два видела ее: красивая вроде бы

– Ну и дурак, – Девушка искоса рассматривала брата. – Мог бы после института съездить. – А ты могла бы сходить с мамой. – Я – не могу. Я как раз хотела с тобой поговорить. И поговорю, если ты не будешь язвить так... отчаянно! Кирилл открыл банку из-под «нескафе», полную окурков. Пихнул туда «бычок» и плотно закрыл крышку, прижав ладонью. Он казался очень бледным, как если бы пару месяцев не выходил из дома. Лена, как и мать, побаивалась, что и этот институт брат тоже бросит; учет промахов и ошибок между собой велся ими всерьез, и, если Кирилл и вправду не дотянет до диплома, Лене придется из кожи вон лезть, чтобы вос-

становить пошатнувшееся равновесие. Да и то – что же такое она должна будет сделать, какой подвиг совершить, чтобы перекрыть братскую безответственность? Девушка второй год мечтала бросить училище, но не могла этого сделать; поступи она так, и материно терпение лопнет – а Лене не хотелось знать, чем это может обернуться.

– Давай. – Сказал брат. – Я постараюсь не слишком блистать природным остроумием... но долго сдерживаться, конечно, не смогу. – Он развел руками и, наконец, вспомнил о кофе. – Мне снилась бабушка. Брат смотрел на нее из-за края красной чашки. – Мм, – сказал он.

– И она была живая... вроде. Кирилл повернулся к окну и стал смотреть на улицу, не выпуская чашку из рук. – Я слушаю, слушаю. – Она была живая и... мы вместе работали. То есть, я работала, а она потом устроилась на ту же работу, что и я. – И что же это за работа была? Лена облокотилась на подоконник. Она смотрела в сторону крыши последнего перед рекой дома; светлые волосы были собраны в хвост на затылке, отчего она казалась младше.

– Я отвечала на звонки. Ну, что-то вроде телефонного оператора. Нам в контору звонили злые клиенты, и я должна была их информировать... ну там... по услугам компании. И вот бабушка устроилась туда же. Она была такая же худая и грустная, как перед смертью. Хотя ты же не видел. В общем, какая-то... жалостная. – Жалкая? Лена быстро и зло, почти с ненавистью, взглянула на брата. – Жалостная. И вот

мы сидели рядом и отвечали на звонки, и она часто ошибалась, не знала, что сказать клиенту, и все смотрела на меня. Чтобы я ей помогла. А у меня была куча своей работы! И я помогла ей раз, второй, а потом на меня навешали каких-то дел, и когда она снова закрыла трубку рукой и уставилась на меня, чтобы я за нее вроде как звонок приняла – я накричала. Я сказала, что не могу делать за нее ее работу! Что она сама должна всему научиться, а не надеяться на меня, раз уж сюда устроилась!

Кирилл смотрел в окно, опираясь на сложенные руки, и постукивал по подоконнику зажигалкой. – Херово... – Да! Но это еще не все. Знаешь, что я ей дальше сказала? Мы были уже где-то на улице, на каком-то складе, там было холодно, стояли ящики с овощами – капустой там, помидорами – и я ей сказала, что она умерла. И что нечего, не нужно ей ходить за мной на работу... а она стояла и смотрела на меня. Знаешь, жалостно! Она была маленькая и одинокая, очень маленькая, такая... – Лена. Девушка разревелась, сползла на стоящую в углу картонную коробку с надписью «монтеррей». Коробка прогнулась под ней, но не сломалась, так как под самый верх была набита книгами. – Я урод! – Лена комкала мокрыми от слез пальцами подол халата; нос ее уже превратился в хлюпающую картофелину. – Моя бабушка, баба... Ба-абочка! Кирилл стоял белый и смотрел на сестру. «Бабочкой» Лена называла их бабушку очень редко. Только когда была настолько счастлива и любила ее, что

не знала, как еще выразить эмоции; только тогда она прибегала к ласковому, дурацкому слову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.